

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 289

Декабрь

2005

Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология»

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

ISSN: печатный вариант – 1561-7793; электронный вариант – 1561-803X от 20 апреля 1999 г.
Международного центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

МЕМУАРЫ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ. ПЕРСОНАЛИИ

Борису Георгиевичу Могильницкому 75 лет 3

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Гаман Л.А. Советская история в изображении Ф.А. Степуна: к постановке вопроса 6
Горбунова Ю.Ф. Изучение личности и государственной деятельности императора Николая II
в современной отечественной историографии: реальность и перспективы 14
Гумерова Ж.А. Идеал святости на Руси у Г.П. Федотова 32
Жеравина А.Н. Исследования 80–90-х гг. XX в. по истории кабинетского хозяйства в Сибири (1747–1861 гг.) 39
Коктыш В.А. Г.В. Вернадский о монгольском завоевании в русской истории 51
Турнаев В.И. Положение иностранных учёных в послепетровской России 55
Турнаев В.И. Немецкие учёные в послепетровской России: встреча с действительностью 65
Тюменцев Ю.А. Образ христианского историзма в раннем творчестве Г.В. Флоровского 73
Хазанов О.Б. Еврейское национальное самосознание эпохи модернизации в свете научного
и религиозного подходов 93
Чуркин М.К. Проблема роли природно-географического фактора в русской истории в оценках
отечественной историографии и общественно-политической мысли второй половины XIX–XX в. 108
Ширко К.Н. Исторический процесс в интерпретации Н.А. Бердяева: диалектика божественного и человеческого 113
Яблоков И.А. Мифологический образ Е.П. Блаватской в контексте концепции мифа А.Ф. Лосева 121

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Мауль В.Я. Методологические проблемы междисциплинарного изучения
русского бунта: достоинства и недостатки 125
Мауль В.Я. Русский бунт как форма культурной идентификации переходной эпохи 144

ИСТОРИЯ ТГУ И ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ

Жеравина А.Н. «Отечеству и науке» – девиз университетских студентов дореволюционного Томска 158
Петрик В.В. Система управления высшей школой в конце 50-х – начале 90-х годов XX века
(на примере вузов сибирского региона) 168
Черказьянова И.В. Попечитель учебного округа Л.И. Лаврентьев и Томский университет:
сотрудничество и конфликты 177

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Соколов В.Ю. Основания расширения понятия «содержание образования»
в курсе «Методика преподавания истории в школе» 188
Тимошенко А.Г., Логутова Н.Б. Болонский процесс. Основные задачи и действия по их реализации 193

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 199

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НААНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 201

«УВЛЕЧЕНИЕ» – ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

Образ Вечности на земле (Иерей Андрей Носков); О мечети, синагоге и других томских храмах (Н.М. Дмитриенко)

FEDERAL AGENCY OF EDUCATION
VESTNIC TOMSK STATE UNIVERSITY
GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 289

December

2005

Series «History. Study of local lore. Ethnology. Archaeology»

Certification of registration: printed version № 018694, electronic version № 018693
Issued by Russian Federation state committee for publishing and printing on April, 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
on April, 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

CONTENTS

HISTORIOGRAHY. SOURCE STUDY

Gaman L.A. Soviet history in interpretation of F.A. Stepanov: to the formulation of the question	6
Gorbunova Y.F. The investigation of emperor's Nicolas II personality and his state activity in modern Russian historiography: reality and prospects.	14
Gumerova Z.A. The ideal of sanctity in Fedotov's works	32
Zheravina A.N. Studies of the 80-th – 90-th years of the 20-th century devoted to the history of cabinet economy in Siberia	39
Koktysh V.A. George Vernadski about the Mongolian conquest in the Russian history	51
Turnaev V.I. The standing of foreign scientists in the post Peter the First's period	55
Turnaev V.I. German scientists in the post Peter the First's Russia: the meeting with the reality	65
Tyumentsev Yu.A. Christian vision of history in early works of G.V. Florovsky.	73
Khazanov O.V. The Jewish national consciousness in epoch of modernization from the standpoint of the scientific and religious approaches.	93
Churko M.K. Peculiarities of the agricultural crisis in the provinces of Russia, and possible ways of its overcoming in the second part XIX – beginning XX centuries.	108
Shyrko K.N. Historical process in N.A. Berdyaev's interpretation: dialectics divine and human v	113
Yablokov I.A. Mythological character of H.P. Blavatskaya in the context of the concept of A.F. Lose	121

RUSSIAN HISTORY

Maul V.J. Methodological problems of inter-disciplinary study of Russian riot: merits and demerits	125
Maul V.J. Russian riot, as the form of cultural identification of the transitional epoch	144

THE HISTORY OF THE TSU AND EDUCATION IN SIBERIA

Zheravina A.N. «To Country and science» – the slogan of the university students of the pre-revolutionary Tomsk	158
Petrik V.V. the system of higher school management at the end of the 50 ^s – the beginning of the 90 ^s of the XX th century (illustrated by the examples of higher schools of Siberian region)	168
Cherkazianova I.V. The curator of the West Siberian School District L.I. Lavrentev and the University of Tomsk: cooperation and conflict	177

PROBLEMS OF EDUCATION

Sokolov V.Yu. The problems of construction the course «Methods of the teaching history in a school»	188
Timoshenko A.G., Logutova N.B. Bologna declaration. principal topics and action in the process of fulfillment	193

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTORS.	199
--	-----

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH.	201
--	-----

«UVLECHENIE» – A MAGAZINE IN JOURNAL

ПРОБЛЕМА РОЛИ ПРИРОДНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРА В РУССКОЙ ИСТОРИИ В ОЦЕНКАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX–XX в.

В отечественной историко-этнографической традиции и общественно-политической мысли XIX–XX столетий вопрос о роли природно-географического фактора в русской истории, его влиянии на экономическое и социально-политическое развитие страны являлся одним из наиболее дискуссионных. В оценке значимости специфических природных условий развития русского народа за длительный временной отрезок сформировались диаметрально противоположные подходы: от признания природно-географических сегментов приоритетными в становлении уникальных, свойственных только России моделей хозяйственной жизни, общественного и государственного устройства, до тотального отрицания решающей роли природного фактора в протекании внутренних экономических процессов, становлении государственных институтов, формировании некоторых ментальных черт народонаселения. Разнообразие точек зрения по данной проблеме создает благоприятный научный прецедент для изменения вектора исследований и выявления новых подходов к решению вопроса о роли природного фактора в русской истории, к числу которых относится более детализированное изучение природных условий и основных компонентов географической среды безотносительно к политическим обобщениям и выводам.

В российской историко-этнографической традиции XIX столетия обращение к проблеме природно-географического фактора изначально было продиктовано характером и обстоятельствами развития западно-европейской научной мысли, а объективные условия становления русской народности рассматривались в контексте национальной самоидентификации. Формальным поводом к росту заинтересованности русской общественности вопросом влияния природных условий страны на различные стороны экономической и социально-политической жизни стала популярная в середине XIX в. в Германии идея Г. Гегеля о призвании народов. Гегель разделял историю на три мировые эпохи: восточную, античную и германскую, определяя последнюю как высшую и завершающую стадию исторического процесса. В 1852 г. была опубликована работа Ф. Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии», в которой автор определил славянские народы Европы как «жалкие, вымирающие нации, обреченные на уничтожение, не давшие ни одного доказательства своей способности выйти из состояния феодализма, основанного на закреплении сельского населения» [1. С. 357]. Энгельс писал, что со времен Карла Великого немцы с величайшей настойчивостью и постоянством направляли свои усилия на то, чтобы завоевать, колонизовать или, по меньшей мере, цивилизовать Восток Европы [1. С. 355]. Подобная точка зрения в середине XIX в. была не только широко распространена в научных кругах Западной Европы, но и являлась устоявшимся общественным мнением, логично укладывавшимся в канву эволюционистской теории Э. Тайлора, Г. Спенсера и Л. Моргана, рассматривавших европейскую культуру как магистральный, единственно возможный путь цивилизации с последовательным привлечением к нему «нецивилизованных» народов, в том числе и славянства. В этой связи показательными являются высказывание германского императора Вильгельма: «...славяне – вовсе не нация, а только удобрение для настоящей нации, призванное к тому, чтобы унавозить поля, на которых со временем раскинется будущая Великая Германия» [2. С. 351], а также лаконичный ответ Франца-Иосифа славянским депутатам, опубликованный в российской прессе того времени: «Я предпочту стоять часовым солдатом возле немецкой палатки, в германском военном лагере, чем титуловаться “королем” вашим или

вообще какого бы то ни было славянского народца» [2. С. 351].

Уничжительное определение роли славянского элемента в этническом поле европейских народов, принявшее публичный характер, вызвало культурный шок среди образованной части русского общества. Чувство национального унижения усугублялось еще и тем, что для русской интеллигенции, независимо от политических взглядов, Запад, по выражению Н. Бердяева, являлся «мечтой, идеалом» [3. С. 62]. Классические славянофилы, резко критиковавшие буржуазность Запада, тем не менее относились к Европе как к «стране святых чудес». Ф.М. Достоевский писал: «А между тем нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество... Европа нам почти так же всем дорога, как Россия...» [4. С. 161]. Об увлечении «европейским» в России, и в частности немецкой классической философией, писали и другие авторы. Так, А.И. Герцен, высмеивая повальное увлечение философией Шеллинга, в «Былом и думах» разразился пассажем: «Человек, который шел гулять в Сокольники, шел для того, чтобы отдаваться пантеистическому чувству своего единства с космосом; и если ему попадался по дороге какой-нибудь солдат под хмельком или баба, вступавшая в разговор, философ не просто говорил с ними, но определял субстанцию народную в ее непосредственном и случайном явлении» [5. С. 339]. В.В. Розанов восклицал: «...да отдавали ли мы какому-нибудь русскому мыслителю, ну, Новикову, Радищеву, Чаадаеву, столько сил и энтузиазма, сколько их отдали мы Боклю, Спенсеру?!... Если бы Русь зачиталась вдруг Пушкиным, стала его цитировать на перекрестках улиц, в каждом номере газет, во всяком журнале... нельзя представить и вообразить!!... Увлечаться чем-нибудь непременно из Европы есть единственное “похожее на себя” у русских, России» [2. С. 358].

С середины XIX столетия общественное мнение России вступает в рефлексивную стадию, в границах которой философы, социологи, этнографы, историки пытаются найти ответ на вопрос о причинах исключения России из общеевропейской семьи.

Уже в 1846 г. в России создается географическое общество, ставящее перед собой задачи исследования умственных способностей русского народа и сбора сведений о населении территорий Российской империи. В 1851 г. были учреждены первые филиалы географичес-

кого общества на периферии – Кавказский отдел в Тифлисе и Сибирский в Иркутске.

Оценку особому положению в антропосфере славянства вообще и русского народа в частности в середине XIX – начале XX в. дала и отечественная историческая наука. Так, С.М. Соловьев полагал, что первостепенное влияние на жизнь народа оказывают три фактора: «природа страны, где он живет; природа племени, к которому он принадлежит; ход внешних событий, влияния идущие от народов, которые его окружают» [6. С. 27]. Сравнивая стартовые условия развития России и Западной Европы, Соловьев отмечал, что если для народов Западной Европы природа была матерью, то для народов России – мачехой. Специфической чертой природно-географических условий России С.М. Соловьев называл однообразие природных форм, влекущее за собой однообразность занятий, обычаев, верований, потребностей и средств к их удовлетворению. Идеи С.М. Соловьева об особой роли природного фактора в русской истории были усвоены, переработаны и дополнены последующими поколениями ученых государственной школы.

В.О. Ключевский, в частности, утверждал, что Россия не разделяет выгодных природных особенностей Европы: разнообразия форм поверхности и извилистого очертания морских берегов. Повторив во многом выводы своего выдающегося предшественника о неблагоприятном природно-географическом контексте для становления русской национальной культуры, В.О. Ключевский пришел к важному заключению о «запаздывающем» характере ее развития. В этом аспекте исторические воззрения В.О. Ключевского соприкасались с теорией Н.Я. Данилевского, доказывавшего в 60-е гг. XIX столетия принадлежность России и всего славянского мира к особому культурно-историческому типу, имеющему в своем развитии все задатки для создания самостоятельной цивилизации. Симптоматично, что Данилевский задолго до Ключевского определял славян как «молодую нацию», сравнительно недавно вступившую на поприще историко-государственной деятельности [7. С. 434–435]. В.О. Ключевский полагал, что «в эпоху великого переселения народов славяне с первых своих шагов в пределах России очутились в географической и международной обстановке, совсем не похожей на ту, в какую несколько раньше попали их арийские родичи... Там бродячий германец усаживался среди развалин, которые прямо ставили его вынесенные из лесов привычки и представления под влияние мощной культуры, в среду покоренных ими римлян или романизированных провинциалов павшей империи» [8. С. 28].

В результате к началу XX в. в отечественной историографии по вопросу о влиянии природно-географического фактора на экономику, общество и различные виды человеческой жизнедеятельности сложилась устойчивая стереотипная схема, в соответствии с которой оценка природных условий страны производилась в тесном соотношении с западно-европейским пониманием роли и места славянства в истории и, как результат, носила характер политического и национального оправдания. Формированию данного подхода косвенно способствовало и относительно медленное развитие в Российской империи географических отраслей знания, призванных дать научную характеристику природно-географическим и природно-климатическим явлениям,

имеющим место в территориальных границах страны, – климатологии, почвоведения, агрометеорологии. Систематические наблюдения за погодой и состоянием сельскохозяйственных культур являлись прерогативой частных лиц (например, А.Т. Болотов в течение 50 лет в XVIII в. наблюдал за погодными изменениями). Главная физическая обсерватория была основана в России лишь в 1849 г., а первый опыт научной характеристики климатических явлений для территорий империи дан академиком К.С. Веселовским в 1857 г.

Попытка выхода за рамки политического детерминизма в отношении природно-географического фактора была предпринята в первой четверти XX столетия теоретиками «евразийства» и нашла выражение в публицистической и научной деятельности П.Н. Савицкого, Л.П. Карсавина, Н.С. Трубецкого, Г.Ф. Флоровского и др., пытавшихся обосновать особый путь и особую историческую миссию России, высказав сомнения в ее принадлежности к европейской цивилизации [9. С. 352–372; 10. С. 318–352; 11. С. 372–385]. По утверждению главного идеолога «евразийства» П.Н. Савицкого, на пространстве Евразии, «Востоко-Западе», развертывалась вся русская история: «Географически евразийцы воспринимают Россию-Евразию, т.е. совокупность трех российско-евразийских низменностей – равнин и горных стран, к ним примыкающих, как определенный «географический ландшафт», оказывающий влияние на историческое развитие. Сторонники евразийского направления полагали, что мозаичному и дробному ландшафту Европы следует противопоставить «периодическую систему географических зон» Евразии, характеризующуюся параллелизмом и горизонтальностью. Определяя русскую культуру как «евразийскую», П.Н. Савицкий и его сторонники выступали в качестве «осознавателей русского культурного своеобразия» и в этом отношении своими предшественниками называли славянофилов как наиболее ярких представителей отечественного философского и историософского мышления [12. С. 8].

Необходимо отметить, что доктрина идеологов «евразийства», в условиях происходивших в России социальных потрясений, постепенно становилась политическим учением. На заре движения евразийцы настойчиво декларировали аполитичность разрабатываемой ими теории. «Евразийство – примат культуры над общественностью», – заявлял П.Н. Савицкий. Г.В. Флоровский в письме к П.Б. Струве отмечал: «Евразийская группа не есть ни политическая партия, ни секта фанатиков, – в фразеологии наших дней для нее наиболее подходящее имя «лига русской культуры» [13. С. 706]. Однако утверждение евразийцев о том, что особенности исторического и культурного пространства России восходят к природно-географическим условиям ее развития, в значительной степени объясняются окружающей этнической средой и исторически сложившимися внутриаэтническими отношениями, постепенно трансформировалось в сегмент их общественно-политической и экономической программы, а само направление евразийской общественной мысли, возникнув первоначально как культурное явление, быстро политизировалось.

Первым опытом по преодолению политической окраски в изучении роли природно-географического фак-

тора в русской истории стала научная деятельность оппонентов евразийской доктрины, ученых-эмигрантов А.А. Кизеветтера, П.Б. Струве и П.Н. Милокова. П.Н. Милоков в знаменитых «Очерках по истории русской культуры» провозгласил принцип необходимости исследования культурных явлений исключительно на антропогеографической основе. Характеристика природно-географического фактора, предложенная П.Н. Милоковым, в основе своей производилась безотносительно концептуальных аспектов традиционной русской полемики вокруг историософской проблемы, активно обсуждаемой с 30–40-х гг. XIX в. идеологами славянофильства/западничества: «Что есть Россия? Какова ее судьба?». В своих выводах П.Н. Милоков опирался на теоретические изыскания географов и историков XVI–XIX вв.: Бодена, Монтестье, Гердера, Риттера и в особенности Фридриха Ратцеля, определившего степень взаимодействия отдельных областей природы. Так, по мнению последнего, климат страны повсеместно оказывает влияние на почвенные условия, почвы воздействуют на растительный покров, растительность – на животных и человека, и обратно: почва действует на климат, флора на почву и климат, а человек – на все явления природы вместе взятые [14. С. 67]. П.Н. Милоков, позаимствовав у теоретиков «евразийства» понятие «месторазвитие», наполнил его иным, более прикладного характера содержанием. Прежде всего, это заключалось в комплексной, независимой от субъективных факторов оценке месторазвития русской культуры с привлечением материала смежных научных дисциплин – геологии, антропологии, этнографии, археологии, сравнительного языкознания. Милоков аргументированно определял неэффективность словоупотребления «Евразия». Ссылаясь на К. Риттера, он доказал, что Европу нельзя объединять с Азией по причинам антропогеографического свойства, так как Европа представляет собой «совершенно особое месторазвитие, гораздо более благоприятное для человека» [14. С. 69].

Несомненным прорывом в трактовке природно-географических особенностей русского месторазвития в творчестве П.Н. Милокова стало доскональное их объяснение и последовательный анализ. Историком были даны характеристики географического положения России, амплитудно-температурного режима различных климатических зон, количества и распределения по сезонам и территориям осадков, почвенных условий, растительного и животного мира. Примечательно, что выводы, касающиеся природно-географического контекста русского месторазвития и степени влияния природно-климатических условий, автором производились чрезвычайно осторожно, с использованием в качестве базового материала современных исследований ученых географического и климатологического направлений естествознания, таких как Крубер, Высоцкий, Докучаев, Воейков, Высоцкий, Тенфильев и др. Не случайно поэтому П.Н. Милоков скоропалительные резюме о влиянии монотонной русской равнины на народный характер, широко распространенные на рубеже XIX–XX вв., относил к «донаучной стадии антропогеографии» [14. С. 79].

В советский период историографии вопросы, связанные с природно-географическим воздействием на общественное устройство и развитие, рассматривались в рам-

ках новой идеологической доктрины. К задачам советской географии причислялось «изучение закономерностей строения географической среды в целях ее рационального использования и преобразования». При этом оговаривалось, что влияние географических факторов на общественные процессы не является определяющим, так как «изменение и развитие общества происходит несравненно быстрее, чем аналогичный процесс в географической среде» [15. С. 548]. В соответствии с данным теоретическим постулатом антропогеография объявлялась чуждой научному пониманию общественных явлений, игнорировавшей классовую структуру общества. Большинство географов, ставивших перед собой задачи не только описательного свойства, но и пытавшихся выявить закономерности взаимовлияния общества и природной среды, обвинялись в «вульгарном географизме» и «географическом детерминизме» (А.А. Григорьев, Л.С. Берг). Научные изыскания географического характера, проведенные на рубеже XIX–XX вв. крупнейшими учеными различных направлений, такими как А.И. Воейков, Д.И. Менделеев, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, В.В. Докучаев, критиковались как «неподнявшиеся до марксистско-ленинского понимания решающего значения способа производства в развитии и размещении производительных сил» [16. С. 464].

Вплоть до 1950-х гг. проведение дальнейших углубленных историко-географических исследований в русле научных традиций конца XIX – начала XX в. не представлялось возможным. Проблема взаимодействия общества и географической среды в советский период трактовалась исключительно как необходимость преобразования человеком природы на основе «социалистического способа производства». Исторические дисциплины сосредоточили свои усилия главным образом на экономических аспектах познания, а география – преимущественно на узкоспециальных вопросах климатологического, почвоведческого и т.д. характера.

Тем не менее именно в границах географического знания в период 50–80-х гг. XX столетия шло накопление материала, касающегося истории климата и экстремальных природных явлений в продолжительный хронологический отрезок (И.Е. Бучинский, А.М. Монин, А.С. Шишков, Е.П. Борисенков, В.М. Пасецкий), гидрологии (Г.И. Швеиц), географических особенностей снежного покрова (Я.И. Фельдман), засух и динамики увлажнений (О.А. Дроздов, Л.Г. Полозова) [17–21]. Систематизация и анализ собранных сведений позволили представителям географической науки еще в начале 1980-х гг. вновь вернуться к вопросу о взаимодействии человеческого общества и природы, географического фактора и истории.

В 1983 г. вышла в свет работа А.В. Дулова [22], в которой автор произвел попытку рассмотрения связи между обществом и природой с географических позиций. Важным достижением стал вывод исследователя о некоторых природно-географических особенностях Восточно-Европейской равнины, не связанных исключительно с факторами климатического свойства. А.В. Дуловым был подвергнут сомнению сложившийся в ряде исторических исследований советского периода стереотип о перманентном кризисе сельского хозяйства, объясняемом частыми неурожаями и недородами вследствие природных ка-

тактизм. По мнению автора, в исторических источниках случаи голода фиксировались аккуратнее, чем небывалые урожаи и обильные жатвы [22. С. 6]. Оценивая природно-географические и природно-климатические условия России в XIX столетии, Дулов выделил наиболее неблагоприятные, с точки зрения сельскохозяйственного производства, экологические бедствия, такие как засухи, длительные и обильные дожди, летние и зимние заморозки, градобития, эпидемии, пожары, в различной степени и комбинациях отмеченные на пространстве Европейской России второй половины XIX в. Используя и обобщив исследовательский материал, сконцентрированный в трудах дореволюционных географов – А.И. Воейкова, Е.В. Оппокова, А.В. Шнитникова и др., А.В. Дулов в своей монографии недвусмысленно дал понять, что земледельческое производство в условиях континентального климата, в целом благоприятного для жизни человека, состоит в тесной зависимости от внутрисезонных температурных колебаний и других природно-климатических девиаций.

Идеи А.В. Дулова были аккумулированы рядом других авторов и в частности В.А. Душковым, разработавшим в середине 80-х гг. XX в. модели влияния географических факторов на психологию человека. Географические условия, по мнению В.А. Душкова, являются важнейшим фактором адаптивного процесса. Душковым было введено в научный оборот понятие «зона климатического комфорта» (средние температуры, осадки, продолжительность безморозного периода, годовые амплитуды температур, сейсмичность, заболоченность, водообеспеченность, лесистость и т.д.), определявшаяся температурным интервалом в 20–25°, а также высказано предположение о возможных изменениях определенных механизмов онтогенеза в неадекватных для человека природных условиях [23. С. 62].

Ограничения, а впоследствии снятие идеологических запретов на рубеже 80–90-х гг. XX столетия привели к появлению крупных авторских работ с оригинальными концепциями отечественной истории, опирающихся на новые методологии. Характерно, что одним из первых фундаментальных трудов стала книга историка Л.В. Милова «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса», в которой специфика развития российского исторического процесса, государственности и национального менталитета рассматривается с позиций влияния природно-географического фактора [24]. По мнению Л.В. Милова, в условиях России «необычайная кратковременность цикла земледельческих работ... господство неплодородных и малопродуктивных почв, приводили к наибольшей концентрации труда земледельца в относительно небольшой временной отрезок» [24. С. 555]. Все это требовало от крестьянина крайнего напряжения сил, удлинения рабочего дня, использования дополнительных трудовых ресурсов и в конечном счете формирования компенсационных механизмов выживания (жесткая общинная консолидация и тоталитарные формы государственной власти).

Определяя значимость природно-географического фактора в русской истории, Л.В. Милов, приводя суждения классиков отечественной исторической мысли С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, оговаривает, что «простой возврат к восстановлению в историографии их постулатов не-

достаточен, ибо это только макроподход, не позволяющий выделить конкретно-исторический и экономический механизм воздействия природных условий на жизнь основного производителя – крестьянина, и в конечном счете – на общество и государство» [24. С. 5]. Для решения данной задачи автор к своему исследованию привлек обширный пласт научных наработок географического характера о российских природных условиях, отраженных в разновременных работах П. Словцова, А. Михайлова, А.П. Шапова, А.И. Воейкова, М.А. Цветкова, И.Е. Бучинского, А.В. Дулова, а также ряд исследований компаративистского свойства, сравнивавших природно-климатические составляющие России и Западной Европы (А.Н. Лебедев, А.Ю. Егорова). В результате Л.В. Милова, опиравшегося на репрезентативный географический материал, удалось доказать неправомочность и некорректность сравнений природных условий, в которых происходило становление экономических и общественно-политических институтов России и ряда государственных образований, с похожим природно-климатическим потенциалом (страны Скандинавского полуострова, Канада).

Концепция Л.В. Милова вызвала бурную дискуссию в научном сообществе и встретила на своем пути не только сторонников, но и противников. В частности, Б.Н. Миронов, опубликовавший в 2000 г. труд «Социальная история России: генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства», признавая в целом некоторое воздействие географического фактора на социально-экономические процессы в России, высказал мнение, что своеобразие природных условий прежде всего «было делом рук человеческих». По утверждению Б.Н. Миронова, влияние географической среды на человека и общественные явления происходит опосредованно и во взаимодействии с другими социальными, экономическими и политическими факторами, оценить индивидуальный вклад каждого из которых не представляется возможным [25. С. 57]. Б.Н. Миронов, упрекая своих оппонентов в «географическом детерминизме», считает, что любые соображения о влиянии географической среды на отдельные институты, модели поведения, социальные и экономические процессы «носят предположительный, а часто просто гадательный и спекулятивный характер» [25. С. 57].

Отметим, что выводы обоих ученых представляют собой крайние точки зрения на один предмет – проблему природно-географического фактора и его роли в русской истории. Например, рассуждения Л.В. Милова о взаимосвязи природных условий страны и национального менталитета, подкрепляемого материалом 30-тысячного корпуса пословиц и поговорок, собранных В.И. Далем, действительно носят умозрительный характер, так как народный фольклор, часто противоречиво оценивающий одни и те же события, вряд ли может рассматриваться в качестве репрезентативной аргументации. В свою очередь, Б.Н. Миронов, почти тотально отрицая значение природно-географического фактора в жизни русского социума, упускает из виду то обстоятельство, что Российская империя не ограничивалась только лишь европейской частью, постоянно расширяя свои владения за счет вовлечения в состав государственной территории восточных окраин. По мере продвижения русской осед-

лости на восток роль природного фактора актуализировалась, а перемещение части населения из континентальной зоны проживания в резко-континентальную инициировало не только перестройку крестьянских хозяйств переселенцев из Европейской России, но и требовало в отдельных случаях ломки индивидуального сознания мигрантов. К числу немаловажных упущений Б.Н. Миронова при оценке значимости природно-географического фактора следует отнести и частые апелляции историка к социобиологии, утверждающей, что среда обитания оказывает влияние на социальное поведение, но отнюдь не решающее. Данный вывод несколько скоропалителен, так как социобиология оперирует современными данными, приуроченными к современной же ситуации, когда влияние природных условий опосредовано многими промежуточными инстанциями.

В конечном итоге, Л.В. Милов и Б.Н. Миронов при рассмотрении вопросов, касающихся природно-географического фактора, стали заложниками старой историографической традиции, в рамках которой оценка природных условий страны производилась с целью определения места России в кругу европейских держав.

Таким образом, в оценке вопроса о значении природно-географического фактора в истории России, его влияния на экономическое и социально-политическое развитие страны в отечественной общественно-политической мысли и историографии за продолжительный временной отрезок сложился специфический подход, наиболее характерными чертами которого можно считать: 1) отчетливо выраженный политический подтекст в определении значения при-

родно-географического фактора в российском историческом процессе; 2) признание природно-географического фактора и ряда его составляющих, в особенности климата, доминирующими в становлении уникальных, свойственных только России моделей хозяйственной жизни, общественного и государственного устройства.

Вместе с тем в рамках данного теоретического направления обнаружились и другие воззрения на исследуемый предмет, приверженцы которых полагали, что: 1) значение природно-географического фактора в историческом процессе велико, но решающим он не является, что наглядно демонстрирует опыт некоторых государственных анклавов, становление которых происходило в экстремальных природных условиях; 2) заявления сторонников теории природно-географического фактора о своеобразии российского исторического процесса преувеличены и носят предположительный характер.

Представленные точки зрения, их дискуссионный характер создают прецедент для изменения вектора исследований и выработки в перспективе принципиально иных подходов к решению вопроса о роли природного фактора в русской истории. К числу задач современной исторической науки, по всей вероятности, следует отнести потребность детального и всестороннего изучения природных условий месторазвитий и основных компонентов географической среды – климата, ландшафта, путей сообщения, а также антропогенных коррекционных воздействий и обратного влияния природных обстоятельств на различные стороны человеческой жизнедеятельности безотносительно политических обобщений и выводов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Энгельс Ф.* Революция и контрреволюция в Германии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения: В 3 т. М., 1986. Т. 3.
2. *Розанов В.В.* Возле русской идеи // Сумерки просвещения. М., 1990.
3. *Бердяев Н.А.* Русская идея // Н. Бердяев. Самопознание. М.; Харьков, 2000.
4. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя // Русская идея. М., 2002.
5. *Герцен А.И.* Былое и думы. Минск, 1971.
6. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1988. Т. 1, кн. 1–2.
7. *Данилевский Н.М.* Россия и Европа // Византизм и славянство. Великий спор. М., 2001.
8. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М., 1987. Т. 1.
9. *Савицкий П.Н.* Евразийство // Русская идея. М., 2002.
10. *Карсавин Л.П.* Восток, Запад и русская идея // Русская идея. М., 2002.
11. *Трубецкой Н.С.* Общевосточный национализм // Русская идея. М., 2002.
12. *Савицкий П.Н.* Евразийство. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн // Византизм и славянство. Великий спор. М., 2001.
13. *Историки России.* Биографии. М., 2001.
14. *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т. 1, кн. 1–2.
15. *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1949.
16. *География* // БСЭ. М., 1952.
17. *Бучинский И.Е.* О климате прошлого русской равнины. Л., 1958.
18. *Монин А.С., Шишков Ю.А.* История климата. Л., 1973.
19. *Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.
20. *Фельдман Я.И.* Влияние снежного покрова на погоду и климат // Природа. 1957. № 4.
21. *Дроздов О.А., Полозова Л.Г.* Циклические колебания температур и атмосферных осадков в современную эпоху // Доклады на ежегодных чтениях памяти Л.С. Берга. Л., 1973.
22. *Дулов А.В.* Географическая среда и история России конца XV – середины XIX в. М., 1983.
23. *Душков В.А.* География и психология. М., 1987.
24. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.
25. *Миронов Б.Н.* Социальная история России: генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства XVIII – начала XX в.: В 2 т. СПб., 2000. Т. 1.

Статья представлена кафедрой отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 1 ноября 2004 г.